

В ПОИСКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

Ключевые слова: японские военнопленные в Советском Союзе, Казахстан, Караганда

Вопрос пребывания японских военнопленных на территории бывшего СССР после окончания Второй мировой войны - один из болезненных в советско-японских и российско-японских отношениях. Долгие годы он оказывал негативное воздействие на общественный и политический климат в наших странах.

Вернее сказать, в Советском Союзе эта проблема была подвержена строгому умолчанию - своеобразному идеологическому «табу», как, впрочем, и все то, что, так или иначе, касалось военного плена. Тем более, что в данном случае речь шла о более чем 600 тысячах граждан иностранного государства, с которым до сих пор не подписан мирный договор и в отношении которых был совершен, как считают японские и ряд российских исследователей, противоправный акт* отправки из Маньчжурии на территорию бывшего СССР для трудового использования на объектах народного хозяйства нашей страны.

Японцы своим трудом внесли большой вклад в восстановление и развитие послевоенной экономики Советского Союза: они работали на шахтах и рудниках, валяли лес и строили дома, участ-

вовали в строительстве БАМа и возведении крупнейших промышленных комбинатов и жилых домов и т.д. Причем, примерно половина из них оказались на самых тяжелых трудовых объектах в районах Сибири и Дальнего Востока, остальные же были распределены по разным городам и республикам СССР. Более 60 тыс. из них умерли из-за непривычных суровых климатических условий, тяжелого труда, недоедания, физического истощения, болезней и т.д. и нашли свое последнее пристанище на советской земле. Другие же, как нередко случалось в те годы, были осуждены «тройками» по печально известной 58-й статье. Тем же, кому посчастливилось выжить, предстояло преодолеть непростой путь возвращения на родину, растянувшийся более чем на 10 лет.

Японцы стали последними пленниками Второй мировой войны: заключительная партия осужденных в плену граждан Японии в количестве немногим больше 1 тыс. человек покинула пределы нашей страны лишь 23 декабря 1956 г. в результате подписания Советско-японской декларации об окончании состояния войны между СССР и Японией и

восстановлении дипломатических отношений.

Однако остальные вопросы военного плена оказались вне рамок двусторонних договоренностей. Тем не менее, для советского руководства вопрос о японских военнопленных на долгие годы был снят с повестки дня, а все имевшиеся документальные материалы об их пребывании в советских лагерях были запрятаны в архивы, доступ к которым был практически закрыт.

Для Японии же, напротив, проблема военного плена и пребывания в советских лагерях приобретала все большую социальную и политическую остроту, причем исключительно в общественных кругах. Речь шла о выплате японскими властями пособий и компенсаций как самим бывшим военнопленным, так и семьям умерших и т.д.

Правительственные структуры проявили малую заинтересованность в ее решении и зачастую вели свою политическую игру, переадресовывая все эти требования в адрес СССР. И это понятно: верхи не любили вспоминать военное прошлое: ведь агрессия Японии была осуждена мировым сообществом, а война закончилась сокрушительным поражением и безоговорочной капитуляцией. Социальные расходы по выплатам явились бы дополнительным бременем для бюджета страны.

Но, пожалуй, главный аргумент, определивший негативную позицию официального Токио в отношении «узников сибирского плена» (так принято в Японии называть этих людей), - весьма напряженные отношения с СССР, развитие которых практически было заблокировано реалиями холодной войны, в т.ч. так называемой территориальной проблемой. А трагедия военного плена, несущая в себе достаточно сильный эмоциональный заряд, искусно использовалась японскими политиками в целях разжигания антисоветских настроений в стране.

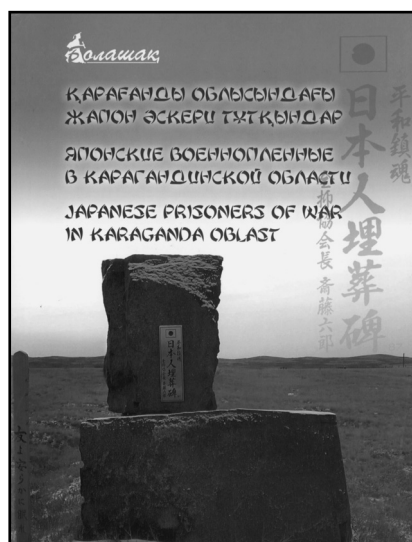
* Как представляется, тезис о «противоправности» отправки японских военнопленных в СССР основывается на выхваченной из исторического контекста односторонней трактовки п. 9 Потсдамской декларации, который гласит: «Японским вооруженным силам после того, как они будут разоружены, будет разрешено вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную и трудовую жизнь». При такой трактовке подразумевается автоматическое вступление в силу п. 9, но не учитываются факторы, препятствующие применению этого пункта, в частности, отсутствие прекращения состояния войны СССР с Японией, не говоря уже о том, что началась холодная война, и Япония превратилась в американский плацдарм противостояния США против СССР. Кстати, при заключении Сан-Францисского мирного договора 1951 г. американцы лишили участников конференции возможности даже обсуждать англо-американский проект договора, не говоря уже о внесении поправок, оставив лишь право подписать его. СССР этим «правом» не воспользовался. Это к вопросу о международном праве, юридических тонкостях и т.д.

Характерно, что решение о репатриации немецких военнопленных до 31 декабря 1948 г. было принято только в апреле 1947 г. в Москве на конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Но на практике репатриация затянулась до 1950 г. Кроме того, репатриации не подлежали военнопленные, осужденные за военные преступления. Лишь после напряженных переговоров канцлера ФРГ К.Аденауэра в Москве в сентябре 1955 г. был издан указ «О досрочном освобождении и репатриации немецких военнопленных, осужденных за военные преступления», и из СССР были репатриированы более 14 тыс. осужденных за военные преступления немецких военнопленных. Осужденные за военные преступления, японские военнопленные в СССР также были отправлены на родину в последнюю очередь. Некоторые из них «перевоспитались» и с развернутыми красными знаменами пришли к штаб-квартире Компартии Японии в Токио, но там им дали от ворот поворот (прим. ред. Е.М.Русакова).

В этой непростой политической ситуации бывшие военнопленные развернули по всей Японии широкое общественное движение за свои права. В многочисленных акциях и обращениях в японское правительство, парламент, а также в судебные органы они требовали от японских властей компенсацию за работу в плену. Следует пояснить, что подобные выплаты, предусмотренные Женевской конвенцией 1949 г., были уже произведены их соотечественникам, вернувшимся из плена из США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и т.д. И подобная ситуация, по существу, ставила узников советских лагерей в дискриминационное положение. Наряду с компенсациями поднимался вопрос о предоставлении советской стороной списков умерших и без вести пропавших, мест из захоронений в СССР, реабилитации незаконно осужденных и т.д.

Все эти вопросы нашли свое разрешение лишь в последние десятилетия при непосредственном участии нашей страны. В 1991 г. во время визита первого президента СССР М.С.Горбачева в Японию японской стороне были впервые передана часть списков умерших в количестве 28 тыс. 700 человек, а их родственники впервые получили возможность посещения этих захоронений. Кроме того, между правительствами двух стран было подписано двустороннее Соглашение о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных, ставшее официальным основанием для начала деятельности японских и советских общественных и государственных структур по его реализации. По инициативе советской стороны в СССР в общем процессе реабилитации жертв политических репрессий должное внимание было уделено рассмотрению дел японцев, незаконно осужденных в плену, в регионах начали приводить в порядок японские захоронения, совместно с японскими организациями возводить на них мемориальные обелиски и т.д.

После распада СССР в новой России, так же как и в других республиках бывшего Советского Союза, эти гуманитарные шаги приобретают дальнейшее развитие: продолжился процесс выяв-

ления имен умерших и розыска их могил, активизировался процесс реабилитации ошибочно осужденных, более 40 тыс. японцев получили официальные свидетельства о своем нахождении и работе в плену и т.д. Но эти важные гуманитарные акции, к сожалению, не получили должного понимания и поддержки со стороны правящей в те годы Либерально-демократической партии Японии.

И только смена политической власти в Японии и переход ее в руки представителей Демократической партии Японии в 2009 г. привели к значительным подвижкам в этом вопросе: демократы исполнили свои предвыборные обещания, приняв в парламенте соответствующий закон, позволивший приступить к выплатам долгожданных компенсаций бывшим узникам советских лагерей. В материальном отношении эта акция достаточно символична: исчисляется небольшими суммами, а также не распространяется пока на семьи умерших и граждан других государств - Кореи, Китая и т.д., призванных в свое время в ряды Квантунской армии. И тем не менее она по существу восстановила историческую и правовую справедливость к этой категории японских граждан, а главное - сняла этот болезненный вопрос в отношениях между нашими двумя странами.

Но тема советского плена по-прежнему не теряет своей актуальности в Японии. Правда, теперь она приобрела чисто историко-просветительный и мемориальный характер. По инициативе парламента Японии недавно со-

здан специальный Центр по оказанию помощи бывшим «сибирским военнопленным» и сбору документальных материалов. Речь идет о продолжении выявления имен умерших в советских лагерях и также мест их захоронений, ведь судьба практически чуть ли не половины из числа без вести пропавших пока еще неизвестна им родственникам. Другим направлением работы этого центра является сбор и публикация документальных материалов об условиях пребывания японцев в советском плену, воспоминаний очевидцев этих событий - одним словом, составление исторической летописи тех событий. И в этом вопросе, конечно же, весомую помощь могут и должны оказать ученые-историки России, Казахстана и других бывших советских республик, где отбывали плен граждане Японии.

История военнопленных в бывшем СССР стала одной из активно разрабатываемых тем в современной российской историографии. Это объясняется, прежде всего, начавшимся на рубеже 1980-х - 1990-х гг. рассекречиванием архивных фондов, в т.ч. касающихся иностранных военнопленных. Именно тогда этот вопрос впервые прозвучал на страницах газет и журналов. К этой важной гуманитарной теме обратились ведущие советские журналисты: В.Цветов, Ю.Тавровский, В.Дунаев и др. Вслед за этим последовали первые научные публикации В.Галицкого, С.Кузнецова, Ю.Бондаренко и др.

А затем наступило время серьезной аналитической и исследовательской работы, итогом которой стало значительное количество статей, диссертаций, научных монографий и т.д. К их числу следует отнести книги д.и.н. С.Кузнецова «Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны» (Иркутск, 1994), д.и.н. Е.Катасоновой «Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав (М., 2003), «Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы советско-японских отношений» (М., 2005), В.Карпова «Пленники Сталина» и т.п.

При этом спектр рассматриваемых в этих изданиях аспектов,

составляющих суть проблемы, варьируются от правового, политического и дипломатической до численности, условий содержания, характера и направленности трудового использования, медицинского и продовольственного обеспечения, смертности, репатриации. Исследования и публикации разнятся и в концептуальном плане. Часть из них рассматривает проблемы в контексте тоталитаризма и репрессивной политики СССР. Другие отличаются более взвешенным и конструктивным подходом. В них учитывается, что данный аспект Второй мировой войны, как и воздействие на него холодной войны, еще недостаточно изучен, крайне противоречиво оценивается и является весьма существенным по своим долговременным последствиям.

Важным вкладом в дело научного освещения проблемы военного плена явились публикации документальных сборников: «Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные второй мировой войны в СССР» (1996)¹, «Военнопленные в СССР. 1939-1956 гг. Документы и материалы» (2000)² и др. Практически все эти исследования основаны на использовании архивных материалов ведущих российских архивов: Российского государственного военного архива, Государственного архива Российской Федерации, Архива внешней политики МИД России, местных архивов.

Подводя промежуточные итоги исследовательской работы, проделанной российскими учеными по проблеме военного плена, следует отметить, что данная проблематика, по мнению проф. М.М.Загоруйко, «еще только входит в полосу активного изучения профессиональными историками. Многие вопросы остаются дискуссионными и нуждаются в дополнительных исследованиях, подтвержденных подлинными документами»³.

В этом контексте востребованной и актуальной предстает изданная Карагандинским университетом «Болашак» научная монография на казахском, русском и английском языках **«Караганды облысындагы жапон әскери тұтқындар. Японские военнопленные в Карагандинской области.**

Japanese prisoners of war in Karaganda oblast» (под общ. ред. Н.О.Дулатбекова) (Астана, Регис СТ-Полиграф, 2011, 1240 с.). Это - по существу первая посвященная японским военнопленным крупная научно-исследовательская работа, вышедшая за пределами современной России.

Разработка данной проблематики в Казахстане началась после выхода постановления кабинета министров Республики Казахстан от 17 августа 1992 г. № 689 «Об образовании Республиканской Комиссии по вопросам иностранных военнопленных и интернированных периода Великой Отечественной войны 1941-1945 годов». Результатом первых исследований стали материалы о судьбах японских военнопленных в Казахстане. Эти материалы были обобщены в Книге памяти, переданной президентом Республики Казахстан Н.А.Назарбаевым правительству Японии в апреле 1994 г.

А впервые к теме военнопленных Второй мировой войны казахские историки обратились в конце 1980-х - начале 1990-х гг. в ходе исследований ряда актуальных проблем политической истории Казахстана первой половины XX столетия, в частности, истории политических репрессий, истории Карагандинского лагеря (Карлага) и т.д. А в 1990-2000 гг. на страницах республиканских и областных периодических изданий был опубликован ряд статей, затрагивающих различные вопросы истории военнопленных в Казахстане, в т.ч. и в Карагандинской области. К числу наиболее известных исследователей этой проблемы следует отнести историка Л.Михееву, В.Николаева и др.

Инициатором написания и издания нового широкомасштабного научного многостороннего исследования этой проблемы выступил ректор Карагандинского университета «Болашак», доктор исторических наук профессор Дулатбеков Нурлан Орынбасарұлы. В университете функционирует Центрально-Казахский научно-исследовательский институт актуальных проблем, разрабатывающий ряд крупных научно-исследовательских проектов. В числе реальных достижений научно-исследовательского и исто-

рико-просветительского центра по изучению массовых политических репрессий XX в. следует назвать публикацию «Истории Карлага» в 4-х томах, в которых собрано творчество узников этого лагеря.

Еще один проект историко-исследовательского и историко-просветительского центра - «История военнопленных в Центральном Казахстане». И началом реализации этого проекта стало издание научной монографии, посвященной всестороннему рассмотрению комплекса вопросов, связанных с пребыванием в Карагандинской области японских военнопленных после окончания Второй мировой войны.

После разгрома Квантунской армии в Маньчжурии для временного содержания захваченных в плен японских военнослужащих было развернуто 19 армейских лагерей. 23 августа 1945 г. Государственный комитет обороны во главе со Сталиным принимает постановление 9898 сс «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии», в котором подробно говорилось о направлении 500 тыс. японских военнопленных на принудительные работы в Советский Союз, четко определялось их распределение по хозяйственным объектам страны и устанавливались меры по организации их работы и деятельности⁴. В постановлении предусматривался вывоз японцев из Маньчжурии на Дальний Восток, в Восточную Сибирь, Красноярский край, Алтайский край, а также в целый ряд республик СССР⁵.

Оказавшись, таким образом, на территории Казахстана и пополнив контингент лагерей для иностранных военнопленных, как уже существовавших (лагерь № 99), так и вновь созданных (лагеря № 37 и № 39), бывшие военнослужащие Квантунской армии были привлечены к развернувшемуся промышленному и гражданскому строительству и задействованы в добыче угля медной руды, в медеплавильном производстве и т.д.

Это было время, когда Карагандинская область была покрыта сетью исправительно-трудовых лагерей (Карлаг), в которых содержались как граждане СССР,

так и иностранные военнопленные из числа германской и японской армий. Все они были сосредоточены в лагерях для военнопленных, структурно подчинявшихся Главному управлению по делам военнопленных и интернированных МВД СССР.

Из 15 лагерей для военнопленных, дислоцировавшихся на территории Казахстана, 4 приходились на Карагандинскую область. Общая численность всех военнопленных в Карагандинском регионе составляла 31074 чел. Из них японцев насчитывалось 15735 человек, или 50,6%. Соответственно этому, был и их вклад в строительство и эксплуатацию объектов народного хозяйства области. Это свидетельствует о той роли, которую сыграли японские военнопленные в развитии экономики Карагандинской области в первые послевоенные годы.

Всего японские военнопленные были задействованы в работе на предприятиях восьми министерств. Из них больше всего (4721 человек) работало на объектах комбината «Карагандауголь» министерства угольной промышленности, который являлся в те годы одним из важнейших стратегических производственных объектов не только Казахстана, но и всего Советского Союза. Более трети всех пленных, находившихся в Казахстанском экономическом районе, было сосредоточено в Спасском лагере № 99, и работали главным образом на объектах комбината «Карагандауголь» и «Главкарагандашахстрой».

Это было время, когда карагандинцы, как и все казахстанцы, приняли самое активное участие в экономическом, социальном и культурном развитии республики, сопровождавшимся послевоенными лишениями и трудностями.

История пребывания японских военнопленных на территории Карагандинской области до настоящего времени являлась одной из наименее изученных тем в исторической науке. И авторы книги посчитали своим долгом восполнить существующий пробел. Прежде всего, изучению были подвергнуты имеющиеся по теме исследования и публикации казахских и российских истори-

ков. Проведена скрупулезная работа по поиску, выявлению и изучению огромного массива соответствующих документов и материалов в фондах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Государственного архива Карагандинской области, Государственного архива города Жезказгана. В результате этого, вместе с использованием уже ранее опубликованных документов в работе вводится в научный оборот массив новых документальных материалов.

Анализ литературы и архивных источников позволил авторам сформулировать исследовательские задачи, которые определились сложностью и многоплановостью проблемы, ее слабой разработанностью. Авторы исследования сконцентрировали внимание на таких ключевых аспектах, как характер и условия содержания японских военнопленных, обеспечение их продуктами питания и одеждой, организация медицинского обслуживания, трудовое использование и т.д. Они документально доказывают, что условия содержания японских военнопленных, как и всех остальных, были жесткими, но вполне соответствовали меркам того режима в обществе, в котором они оказались.

Примечательно, что рассмотрение проблемы дается на фоне широко развернутой исторической ретроспективы, позволяющей увидеть узловые аспекты политического, экономического, социального и культурного развития Карагандинской области, а также в тесной связи с историей создания лагерной системы для иностранных военнопленных в СССР, начиная с 1939 г. В книге подробно анализируются все основополагающие правительственные и партийные нормативные документы тех лет, связанные с организацией труда и быта иностранных военнопленных, их медицинским обеспечением, идеологической и культурной работой в их рядах, вопросами репатриации и т.д.

Для вышедшей книги характерны не только высокий научный уровень, скрупулезность и ответственный подход к изложению огромного количества фактов, статистических данных, но и

редкое в наши дни полиграфическое качество издания, а также его масштабность - 1232 страницы.

Она включает в себя исторический очерк на казахском, русском и английском языках, списки имен репатриированных, фотографии военнопленных, строительных объектов, возведенных ими в регионе, цветные репродукции картин, нарисованных японцами, и т.д. В общем, это - настоящая летопись пребывания японских военнопленных в Карагандинской области, которая призвана значительно углубить и расширить научные представления о послевоенном периоде истории Казахстана и СССР в целом, с одной стороны, а с другой, - способствовать восстановлению исторической правды в отношении граждан Японии, оказавшихся в лагерях на территории Казахстана. В Японии книга «Японские военнопленные в Карагандинской области» уже получила самую высокую оценку и положительные отзывы со стороны историков.

* * *

Теперь у карагандинских исследователей на повестке дня новый фундаментальный проект - издание воспоминаний бывших японских военнопленных, работавших в Карагандинской области. И это - вполне реальная и весьма интересная идея показать ту непростую ситуацию глазами непосредственных участников тех событий. Тем более, что в Японии уже опубликовано 8-томное издание, созданное на основе документальных свидетельств самих военнопленных о пребывании в плену в СССР, и один из томов посвящен их жизни и работе в Казахстане.

*Е.Л. КАТАСОНОВА,
доктор исторических наук
Институт востоковедения РАН*

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные второй мировой войны в СССР. М., Терра, 1996, т. 24 (13).

² Военнопленные в СССР. 1939-1956 гг. Документы и материалы (под ред. М.М. Загоруйко). М., Логос, 2000.

³ Там же, с. 9.

⁴ Там же, с. 283-287.

⁵ Там же, с. 286-287.